

Цзи Сы на мгновение застыла, затем кивнула:

— Слушаю.

— Как продвигается чтение? Через пару дней проверю твои успехи.

— Я уже хорошо изучила «Троеслобие».

— Хм, тогда начнём учить «Шицзин».

— Слушаю.

После праздника Фонарей январь пролетел стремительно. Во Двор Бамбука начали свозить множество ящиков и сундуков, доверху наполненных серебром и драгоценностями. Всё это Цзи Сы от имени семьи Ли обменивала в Верхней столице на серебряные сертификаты.

Убийца Фэй, оправившись, хоть и не зарубил Цзи Сы одним ударом, но и спуску ей не давал — каждый день изнурял тренировками, будто намеренно стремился сломать.

До Банкета на воде оставалось пять дней. Вся столичная знать с нетерпением ждала праздника, чтобы затем разъехаться по своим владениям.

— Госпожа, — доложил Дядюшка Ван, стоя перед ширмой, — врач прислал обещанный рецепт.

Прошло ещё десять дней. У Цзи Сы голова раскалывалась, словно в огне.

— Сегодня вернётся госпожа?

Дядюшка Ван покачал головой.

Цзи Сы убрала гибкий меч.

— А Фэй?

Из-за ширмы появилась Син'эр.

— Его отправила принцесса. Можешь идти отдыхать, не беспокойся.

Дядюшка Ван тут же предложил:

— Я пойду приготовлю и подам лекарство!

Взгляд Цзи Сы стал опасным. После сильной душевной бури тело ощущало лишь слабость и изнеможение. Отдых был ей крайне необходим.

— К чему принцессе такие уловки? — холодно произнесла Цзи Сы. — Почему от меня всё скрывают?

Два дня назад, за пределами Верхней столицы, в ущелье, где бушевала метель, караван пробирался по узкой заснеженной тропе.

— Устроим засаду здесь! Ждём, когда Чжун Хуэй выедет из столицы!

***

Банкет на воде ежегодно проводили в последний день первого месяца. В этот день народ запускал фонари и молился Небу, прося отвести беды и ниспослать благословение.

С окончанием первого месяца зима отступала, снег сменялся дождями, и через два месяца наступала весна.

Этот день был почти столь же важен, как и Новый год. Люди приходили к реке запускать фонари и молиться, и князья с герцогами поступали так же.

На высоком мосту на столе лежали жертвенные дары из трёх видов мяса.

— Принцесса, церемония скоро начнётся.

На другом конце моста Цинь Цзюнь, проверив список имён, беседовала с евнухом Го.

— В этом месяце вы изрядно потрудились.

Евнух Го поспешил ответить:

— Не стоит благодарностей, не стоит! После жертвоприношения мясо будет распределено между князьями, и ваша светлость тоже сможет отдохнуть.

Цинь Цзюнь улыбнулась:

— Если мяса останется, можно раздать и простолюдинам на берегу — пусть на счастье попробуют.

— Слушаю.

Едва она договорила, как начался обряд. На жертвенном алтаре чиновники из Управления астрономии совершали положенные подношения духам. Люди на берегу и знатные гости на лодках один за другим опускали в воду фонари, вознося искренние молитвы.

Цинь Цзюнь тоже отпустила свой фонарь. Вскоре она открыла глаза и увидела, что все городские каналы заполнились плывущими огоньками — разнообразными, причудливыми, словно кто-то сорвал с неба сияющую Млечный Путь и бросил его в воды городского рва.

По окончании обряда чиновники велели раздать жертвенное мясо. Каждый князь получал по куску от каждой из трёх жертвенных туш. Придворные раскладывали мясо по трем маленьким чашам и относили на лодки для знатных гостей.

Остатки мяса затем случайным образом раздавали людям, толпившимся на берегу. Все ели вместе — князья и герцоги праздновали с народом, совместно молясь о мире и благоденствии в наступившем году.

Затем танцоры взошли на деревянную платформу посреди реки, и начались пляски под звуки свирелей. Это великолепное зрелище столицы напомнило Цинь Цзюнь сон, в котором она видела упадок Цинь-Чжоу: облупившиеся красные стены, зелёную черепицу, поросшую мхом, и всеобщее запустение.

— Принцесса, это свежее мясо нынешнего года, — сказала Цзи Сы, стоя на коленях у ног Цинь Цзюнь. Она попробовала мясо серебряными палочками, выждала время, равное половине чашки чая, и лишь затем позволила Цинь Цзюнь есть.

Сяо Таоцзы отодвинула занавес на лодке.

— Принцесса, принесли то, что вы просили.

Сяо Тао отошла в сторону, и двое слуг внесли две большие бочки отборного вина.

Цинь Цзюнь кивнула.

— Угостите князей вином.

По велению принцессы Сяо Таоцзы и Цзиньсю отправились разносить вино. Лодки были соединены железными цепями, поверх которых лежали дощатые настилы.

Сяо Тао и Цзиньсю вместе с другими служанками и слугами пошли по лодкам, разнося угощение.

На всех городских каналах толпился народ, а на самом широком участке реки по обоим берегам стояли роскошные деревянные суда, где восседала знать. Порядок размещения был определён жребием, и даже Цинь Цзюнь, ответственная за организацию банкета, узнала о нём лишь накануне.

К тому же собрание было пёстрым, и на каждой лодке находилась своя охрана.

— Небо и земля вперемешку, вселенная — первозданный хаос... — Цзи Сы лениво бубнила «Тысячесловие», попутно разделывая, нарезаая и сервируя три куска жертвенного мяса для Цинь Цзюнь — то поджаривая, то маринуя.

Цинь Цзюнь с любопытством спросила:

— Ты ещё и это умеешь?

— На каком месте я остановилась? — переспросила Цзи Сы.

Цинь Цзюнь взглянула на неё и вдруг рассмеялась.

Цзи Сы:

— Принцесса?

Цинь Цзюнь начала качать головой, декламируя:

— Небо и земля вперемешку, вселенная — первозданный хаос.

Цзи Сы подхватила:

— Солнце и луна следуют чередой, звёзды и созвездия рассыпаны по небу. Холод сменяется зноем, осень собирает урожай, зима хранит...

Звучала нежная музыка, ярко горели светильники. Чжун Хуэй, приняв Порошок пяти минералов, раскраснелся и развалился на ложе в своей лодке. Из-под занавеса ему была видна река, по которой скользили танцовщицы в лёгких одеяниях.

Танцовщицы были одеты в яркие наряды, музыканты играли виртуозно. И мелодия, и пляска славили Цинь-Чжоу, словно напоминая и народу, и князьям: не забывайте о своей стране.

Чжун Хуэй не выдержал этого зрелища и отвернулся, сокрушаясь про себя, что завтра наконец-то сможет покинуть столицу. Эта ежегодная поездка ко двору каждый раз заставляла его трепетать от страха.

Ему приходилось и помогать малолетнему правителю Западного Цзяна, и сохранять верность императору Цинь-Чжоу. Оказавшись между двух враждующих держав, он балансировал на лезвии ножа: малейшая оплошность могла вызвать подозрения с обеих сторон и погубить его семью.

Поэтому ещё перед отъездом в столицу он подготовил речь, в которой доложил императору, что молодой правитель Западного Цзяна ведёт развратный образ жизни, пренебрегает государственными делами и слаб здоровьем. Он не упомянул, что великий маршал Налань Цо управляет страной с недюжинным умом, и за несколько лет полумёртвый Западный Цзян при нём стал процветать, проявляя тревожные признаки усиления.

Возвращаясь в Западный Цзян, он также всякий раз готовил оправдания, говоря, что император Цинь-Чжоу милостив, печётся о вассальных государствах и, помня о заслугах покойного князя Цзи, не стал увеличивать подати в этом году, а лишь пожелал молодому правителю заботиться о здоровье и добросовестно управлять страной.

Чжун Хуэй удовлетворённо кивнул, размышляя, что через два-три года правда о Западном Цзяне неизбежно откроется. Ему следовало подготовиться заранее. В следующем году! Не позднее следующего года он должен покинуть столицу и больше не возвращаться в Западный Цзян. Ему надлежит уйти в отставку и удалиться с семьёй в уединение, иначе рано или поздно он поплатится жизнью на этой скользкой стезе!

Вскоре между лодками засуетились придворные слуги. Чжун Хуэй предположил, что это кто-то из дворца принёс вино и угощения, и, слегка опьянев, с трудом приподнялся и поклонился.

— Это господин Чжун?

Чжун Хуэй поднял голову и, с трудом фокусируя затуманенный взгляд, ответил:

— Ваш покорный слуга Чжун Хуэй.

Цзиньсю махнула рукой, и служанки за её спиной внесли несколько закусок и кувшин вина в белом расписном сосуде.

— Сегодня праздник, — сказала Цзиньсю. — Было бы несправедливо иметь мясо, но не иметь вина. Все гости получили по кувшину, прошу и вас, господин Чжун, не отказываться.

Чжун Хуэй покорно забормотал согласие. Как только Цзиньсю удалилась, он снова разлёгся и подозвал служанку, стоявшую в стороне:

— Налей-ка.

— Отменное вино, — сказал Чжун Хуэй, ощутив аромат, и осушил чашу залпом. — И вправду отменное!

— Господин, — вдруг прошептала служанка, — под чашкой лежит записка.

— М-м? — Чжун Хуэй заглянул под чашу, подцепил сложенную бумажку и развернул её. В тот же миг хмель вылетел из головы, сменившись леденящим потом. Он отослал служанку и

прочёл послание. На нём было всего два иероглифа: «Уходите!» На обороте же был начертан извилистый путь.

— Господин Чжун! Господин Чжун? — Соседняя лодка принадлежала правителю северной провинции. Тот зашёл к Чжун Хуюю, чтобы разделить с ним трапезу, но, ступив в каюту, обнаружил, что хозяина и след простыл.

Чжун Хуэй вернулся домой, кое-как собрал вещи и, не сказав жене и детям всей правды, покинул город, смешавшись с уезжающим торговым караваном.

***

Празднество завершилось.

Двор Бамбука.

— Который час? — зевнула Цинь Цзюнь.

Цзи Сы помогала ей раздеться. Когда дело дошло до нижней одежды, Цинь Цзюнь, забыв о сонливости, судорожно ухватилась за полы своего халата, прикрываясь, и с подозрительностью взглянула на Цзи Сы:

— Я сама.

<http://bllate.org/book/16274/1465217>